

ОЧЕРК 8

О. Э. ОЗАРОВСКАЯ

(От эстрады к большой фольклористике)

Помимо университетов, готовивших профессиональных фольклористов, и научных обществ, объединявших вокруг себя любителей «живой старины», в начале XX в. существовал еще один путь в большую фольклористику — эстрадные подмостки. Именно таким путем, например, пришла в академическую науку Е. Э. Линева. Сначала она в 1892 г., будучи в эмиграции в Америке, организовала Русский хор, который пользовался определенным успехом у публики. И лишь позднее, уже в России, Е. Э. Линева стала одним из самых деятельных членов Музыкально-этнографической комиссии ОЛЕАиЭ и активным экспедиционером, внесшим в дело собирания песенного фольклора много принципиально новых находок. Так, ей принадлежит несомненная заслуга во внедрении фонографа в фольклористику.¹ Тем же путем — через эстраду — пришла в большую науку и О. Э. Озаровская. Имя последней широко известно, и ей-то мы и посвящаем свой последний очерк.

Ольга Эрастовна Озаровская родилась 13 (25) июня 1874 г. в Николаеве. Отец ее был офицером. Родовые корни Озаровских связывали их с кубанским казачеством. Семья, судя по всему, была культурной, образованной, не чуждой передовых идей и устремлений. В середине 1890-х гг. О. Э. Озаровская, влекомая желанием получить высшее образование, встать на равную ногу с представителями мужской половины человечества, приезжает в Петербург. Здесь в 1897 г. она заканчивает физико-математический факультет Высших женских курсов. Девушка, согласно ее демократическим убеждениям, мечтала приложить свои знания на ниве образования в одной из школ для рабочих. Но судьба распорядилась иначе, подарив ей несколько лет работы вместе с Д. И. Менделеевым.

Еще будучи студенткой ВЖК, О. Э. Озаровская в семье химика Чельцова, с которым Озаровские были в дружеских отношениях, познакомилась с А. И. Менделеевой (второй женой ученого). У двух женщин нашлись общие интересы и вкусы. А. И. Менделеева, как известно, была художницей; О. Э. Озаровская также не была чужда изобразительному искусству. Охотно она соглашается позировать А. И. Менделеевой. Очень скоро молоденькая курсистка становится

своим человеком в семье Менделеевых, подолгу гостит в сельце Боблово Клинского уезда, где было имение великого ученого.

В 1898 г. Д. И. Менделеев приглашает О. Э. Ozаровскую на работу в Главную палату мер и весов. Это было очень знаменательное событие, важное не только в судьбе самой О. Э. Ozаровской, но и в научно-общественной жизни всего Петербурга. О. Э. Ozаровская была первой женщиной, допущенной к работе в столь серьезном научном учреждении. Первая ласточка оказалась удачливой: за ней к Д. И. Менделееву пришли и другие женщины-лаборанты. Выдающийся химик ценил работу молодой выпускницы Высших женских курсов. Математические выкладки О. Э. Ozаровской были использованы им в трудах того периода. Годы, проведенный О. Э. Ozаровской в Палате мер и весов, судя по ее собственным воспоминаниям,² — это счастливое для нее время. Казалось бы, ее жизненный путь был уже твердо определен и ничто не предвещало того, что математик и «естественник» О. Э. Ozаровская неожиданно превратится в артистку О. Э. Ozаровскую. Но в 1907 г. Д. И. Менделеев умирает. Главная палата мер и весов остается без своего авторитетного руководителя. Тогда-то, с уходом великого учителя, по-видимому, потеряла интерес к работе и О. Э. Ozаровская.

Артистическая жилка в этой женщине билаась всегда. Еще моло-денькой девушкой она вместе с А. И. Менделеевой придумала коми-ческий образ некой «баронессы Гильзен-Пильзен», восторженной и глупой почитательницы таланта Д. И. Менделеева, осыпающей его тупыми банальностями. «Театр для себя», разыгрываемый Менделеевыми и О. Э. Ozаровской, долгое время был любимым развлечением в этой семье. В 1898—1899 г. молодежь Боблова — Любовь Дмитри-евна Менделеева, юный Александр Блок, младшие дети Менделеевых Ваня, Вася и Муся — сочиняют фантастическую пьесу, действие ко-торой происходит на планете Венера. О. Э. Ozаровская принимает в этой театральной забаве самое живое участие: «Я подала мысль раз-гадать героиню: она не может никого любить, потому что тоскует по той звезде, которую называют Землею. Колдунья исполняет ее мечту и отправляет ее на землю (...) Стали писать коллективно: Александр Блок создавал лирические стихи всерьез («Тоска по Земле»), Ваня и я гнули на сатиру; Вася и Муся не отставали в юморе».³ Наконец, брат О. Э. Ozаровской — Юрий — был известным режиссером в Александринском театре. Все эти «артистические ниточки» в один пре-красный момент привели на сцену и саму О. Э. Ozаровскую.

Впервые на эстраде О. Э. Ozаровская появилась в благотворитель-ных концертах в 1907—1908 гг. В 1908 же году она попробовала свои силы и в профессиональном театре. Это был театр «Кривое зеркало», только что созданный в Петербурге известным критиком А. Р. Куге-лем и артисткой З. В. Холмской. Пародия, эксцентрика, буффонада, сатира — вот что составляло дух «Кривого зеркала». Театр малых форм включал в свой репертуар инсценировки, пантомимы, эстрад-ные номера, смело пародировал оперетты, мелодрамы, классический балет и даже чеховские пьесы.⁴ Надо полагать, что О. Э. Ozаровской, некогда перевоплощавшейся в образ «баронессы Гильзен-Пильзен», вся эта подчеркнутая игровая стихия была близка и привлекательна.

Имя артистки стало время от времени мелькать на страницах пе-тербургской прессы. В 1910 г. Е. Д. Каирillo в своем обзоре велико-

постных концертов говорит, что наибольший успех выпал на долю таких блестящих исполнителей, как Варя Панина, Анастасия Вяльцева, М. А. Каринская, Н. В. Плевицкая и В. В. Андреев, а в конце своей хроники посвящает одну строку и О. Э. Озаровской: «О. Э. Озаровскую, выступавшую в концертах и театре “Кабаре” театрального клуба, публика встречает очень тепло».⁵ О концертах О. Э. Озаровской в Москве, организованных Литературно-художественным кружком, писалось следующее: «Вторая гастроль (...) прошла с таким же успехом, как и первая, при переполненном зрительном зале».⁶ В журнале «Артист и сцена» появляется портрет артистки со следующей рекламной подписью: «Исполнительница произведений народной поэзии, а также создательница особого жанра пародий и рассказчица. Артистка на характерные роли (...) Принимает ангажементы на гастроли».⁷

Репертуар О. Э. Озаровской был очень разнообразен: юмористические рассказы А. П. Чехова, А. Т. Аверченко, сказки Р. Киплинга, Г.-Х. Андерсена, произведения А. Н. Толстого, А. М. Ремизова. О. Э. Озаровская пробовала сама писать. Ее рассказик «Интервью», например, явно навеян подсмотренными ею сценками из общения Д. И. Менделеева с некомпетентными газетными репортерами. Помимо произведений юмористического и сатирического жанра, артистка читала с эстрады стихи К. Бальмонта, Ф. И. Тютчева, отрывки из романа Ф. М. Достоевского «Униженные и оскорбленные», фрагменты пьес Л. Андреева, К. Гамсона и т. д.

С самого начала в репертуаре артистки появились и народные сказки и песни. Можно предположить, что они стали «изюминкой» ее репертуара и имели успех. Не зря же названный выше журнал «Артист и сцена» рекламировал О. Э. Озаровскую прежде всего как «исполнительницу произведений народной поэзии» и лишь во вторую очередь как «артистку на характерные роли». Сборник О. Э. Озаровской «Мой репертуар» свидетельствует, что уже к 1911 г. она исполняла перед зрителями балладу из Олонецкой губернии на сюжет «Князь Роман жену терял», лирические и юмористические песни «Уж ты маменька родная, для чего ж меня такую родила», «Кого мне младшеньке лучше любить», «Дуня тонкопряха», «Замесила Марьушка кващенку», сказки «Кочет и курица», «Лиса-повитуха», «Курочка Рябушечка».⁸

В 1911 г. О. Э. Озаровская переезжает в Москву и здесь организует собственную Студию живого слова. К артистической деятельности прибавляется еще и педагогическая. И в этой сфере ее интерес к фольклору также находит свое применение. При обучении своих слушателей она использует былины как материал для «логического тонирования речи», песни же включаются ею в раздел «Материал для выработки чувства стиля».⁹ Естественно, фольклорные произведения, становясь предметом артистической педагогики, претерпевают в руках О. Э. Озаровской различные трансформации. Публикуя в своей хрестоматии былину, она не считает нужным назвать источник текста. Тексты ею сокращаются, поправляются, словом, подвергаются литературной обработке. Так, например, в старине «Вольга и Микула» (вариант Т. Г. Рябинина записи П. Н. Рыбникова) О. Э. Озаровская опускает эпизод с соревнованием коней Вольги и Микулы. В «Волхве Всеславьевиче» (вариант Кирши Данилова) убирается нача-

ло о Марфе Всеславьевне и лютом змее. Ни о каком научном, фольклористическом, подходе к произведениям народной поэзии в первых книгах О. Э. Озаровской, таким образом, говорить не приходится. Впрочем, странно было бы предъявлять научные требования к изда-нию, которое преследовало совсем иные цели.

Итак, фольклор занял заметное место в жизни О. Э. Озаровской — артистки и педагога. Однако неверно полагать, что О. Э. Озаровская «фольклорностью» своего репертуара как-то особо выделялась из артистической среды своего времени. Вряд ли мы имеем право говорить, что О. Э. Озаровская была первопроходцем в деле привнесения народной поэзии на сцену. Тот интерес большой русской литературы к народной культуре, который мы отмечали в темах «Аничков и Блок», «Ончуков и Пришвин», «Ончуков и Ремизов», «Зеленин и Ремизов», «Братья Соколовы и Шергин», не мог не оказаться и на концертно-театральной жизни предреволюционной России. Фольклор, можно сказать, в 1910-е гг. буквально выплынулся на сцену, выплынулся не только знаменитым «Петрушкой» И. Стравинского, но и менее известной постановкой М. М. Бонч-Томашевского народной драмы «Царь Максимилиан»,¹⁰ и целым рядом забытых профессиональных сказочников-артистов,¹¹ и, наконец, стихией народной песни.

Журнал «Граммофонный мир», пожалуй, наиболее выпукло отражавший своими перечнями выпускаемых пластинок рейтинг эстрадных певцов того времени, свидетельствует, что публика в межреволюционное десятилетие отдавала предпочтение певцам с народным репертуаром. «Баян русских народных песен», «исполнительница русских народных песен», «народный певец», «известная исполнительница русских и цыганских песен», «незаменимая исполнительница русских бытовых и народных песен», — такими и подобными им определениями пестрят объявления «Граммофонного мира», рекламирующие того или иного певца. В жанре народной песни работали П. И. Баторин, Е. И. Башкирина, И. Н. Бобров, Н. В. Дулькевич, Д. Ершов, М. А. Каринская, А. В. Кольчевская, М. П. Комарова, М. А. Лидарская, Ю. Морфесси, дуэт П. Ф. Орлов и П. Д. Жуков, С. П. Садовников, М. А. Эмская и др. Настоящей же звездой среди них стала крестьянка из Курской губернии Н. В. Плевицкая.¹² Надо признать, что репертуар большинства из перечисленных эстрадных певцов не всегда отличался безукоризненным вкусом. Наряду с подлинной народной песней здесь часто звучал «мещанский роман» и песни фабричного пошиба, почерпнутые из многочисленных «Полнейших песенников». Наиболее образованные критики пытались оберечь талантливых певцов от искушения пойти в своем репертуаре на поводу обывательской публики. Так, например, С. Мамонтов еще в самом начале звездной карьеры Н. В. Плевицкой советовал ей: «Одно, на что следовало бы обратить внимание г-жи Плевицкой, это на ее репертуар, в котором есть много фабрично-пошловатого. Русская песня так неисчерпаемо богата, наши композиторы сумели придать ей столько разнообразных новых форм, что при желании г-жа Плевицкая могла бы составить себе большой репертуар, не грешащий против настоящего хорошего вкуса».¹³ И певица, правда, не без колебаний, вызванных обиженным самолюбием и подогреваемых к тому же некомпетентными «доброжелателями», прислушалась к подоб-

ным замечаниям музыкальных критиков. Отдыхая летом на родине, она начала осознанно подходить к подлинным народным песням и многие из них впоследствии включила в свой репертуар. «Особый восторг, — писал корреспондент газеты “Курская быль” в 1912 г., — вызывают курские песни, записанные народной певицей в с. Винникове; их она поет не только с своеобразными вокальными оттенками, но и с сохранением местного говора».¹⁴

Попытка артистической среды подойти к народной культуре осознанно, с этнографических позиций оказывается и в творчестве артистки Незлобинского театра Третьяковой. Она в 1910 г. записывает в Брянском уезде Орловской губернии ряд песен на фонограф, внимательно изучает их и включает затем в свой репертуар.¹⁵

О. Э. Озаровская, как видим, в своем стремлении привнести фольклор на эстраду, была нимало не оригинальна, она оказалась всего лишь одной из многих. Но, по-видимому, совсем не случайно, что именно О. Э. Озаровской, одной из немногих эстрадных артисток, выпало на долю перерости из артиста в ученого. Образованность, культура, опыт научного отношения к явлениям жизни, наконец, просто природная любознательность и неутомимая жизненная энергия заставляют сорокалетнюю О. Э. Озаровскую в 1914 г. отиться в ее первую фольклорно-этнографическую поездку на Русский Север. Это была частная экскурсия московской артистки, едущей в деревню за свежими впечатлениями и за песнями, которые могли бы пополнить ее репертуар. В Пинежском селе Великий Двор О. Э. Озаровская неделю живет у Прасковьи Андреевны Олькиной. Уютная комната, радушная хозяйка, вкусные шанежки, богатые северно-русские женские одежды — все это полюбилось «московке». И на следующий год О. Э. Озаровская вместе с сыном Василько, со своей спутницей Шурой и собакой Шариком опять оказалась на Пинеге. Тогда-то в конце мая или в начале июня 1915 г. в доме П. А. Олькиной и происходит знаменитая встреча московской артистки с пинежской Махоней — Марией Дмитриевной Кривополеновой.¹⁶ Это было не просто знакомство собирателя с талантливым сказителем (информантом, как сейчас говорят), это была встреча двух артисток. Именно артистку, а не носителя фольклорной традиции разглядела и оценила О. Э. Озаровская в М. Д. Кривополеновой. И тут же она решает везти «пинежскую бабушку» в Москву, чтобы показать ее избалованной публике первопрестольной. Но в Москву О. Э. Озаровская поехала через Поморье. В июле 1915 г. она побывала в Неноксе, познакомилась с солеварнями, записала ряд былин, преданий, сказок и песен. И лишь потом оказалась вместе с М. Д. Кривополеновой в Москве.

Надо признать, что в организации публичных концертов народного сказителя О. Э. Озаровская также отнюдь не была первопроходцем. В этом деле она следовала по стопам А. Ф. Гильфердинга, который в 1871 г. организовал в Русском географическом обществе выступления И. А. Касьянова и Т. Г. Рябинина.¹⁷ Примером для О. Э. Озаровской мог служить и П. Т. Виноградов. По инициативе этого фольклориста-любителя в 1893—1894 гг. в Петербурге и Москве успешно прошли концерты И. Т. Рябинина, а в 1895—1896 гг. с еще большим воодушевлением в обеих столицах, Нижнем Новгороде, Казани и Петрозаводске была встречена вопленица И. А. Федосова.¹⁸

Тот же П. Т. Виноградов в 1902 г. стал устроителем гастролей И. Т. Рябинина в Петербурге, Киеве, Одессе, Константинополе, Болгарии, Сербии, Вене и Варшаве. П. Т. Виноградов, о чем нам уже приходилось писать, под влиянием общения с И. Т. Рябининым сам становится сказителем былин и выступает с их исполнением перед различными аудиториями.¹⁹ Обо всем этом О. Э. Озаровская не могла не знать. Наконец, мимо О. Э. Озаровской не могли пройти незамеченными концерты олонецкой былинщицы и волленицы Н. С. Богдановой, которые состоялись в Петербурге в сентябре 1911 г.²⁰ Названный опыт русской фольклористики в организации концертов народных певцов и побудил артистку О. Э. Озаровскую внести свою лепту в это дело.

Судя по газетным отчетам, концерты О. Э. Озаровской и М. Д. Кривополеновой начались в Москве в самом конце сентября 1915 г. Особо подчеркнем: это были не лекции, сопровождаемые пением народного рапсода, каковыми в свое время были выступления Т. Г. Рябинина, И. А. Федосовой и И. Т. Рябинина. Это были настоящие концерты двух артисток, каждая из которых имела свой репертуар. Конечно, интерес зрителей был прикован прежде всего к пинежской Махоне, но оценена была и О. Э. Озаровская. Газета «Русское слово», например, о выступлении артисток 26 сентября в Политехническом музее писала следующее: «Перед успехом маленькой, сухонькой старушки в расписных валенках и пестром платочке померк даже успех О. Э. Озаровской, удачно с подлинным юмором передавшей несколько былей и сказок, записанных со слов северных сказочников».²¹ О. Э. Озаровская попыталась стать партнершей М. Д. Кривополеновой при исполнении «Кострюка», который в пинежской традиции несет на себе скоморошьи черты, и, кажется, этот опыт совместного пения был удачен. Во всяком случае публика его восприняла доброжелательно.²² Столь же успешно прошел концерт, организованный 6 октября Литературно-художественным кружком.²³

В середине октября артистки выезжают в Тверь, где выступают несколько раз перед местными учащимися.²⁴ Затем был Петроград. В декабре 1915 г. М. Д. Кривополенову, уже одну, без О. Э. Озаровской, наслышавшись о ее славе в столицах, встречал Архангельск.²⁵

В конце зимы 1916 г. пинежская бабушка неожиданно, без всяких провожатых, самостоятельно приехала с Пинеги к О. Э. Озаровской. Тогда О. Э. Озаровская и организовала большую поездку сказительницы по российским городам. Саратов, Харьков, Ростов-на-Дону, Новочеркасск, Екатеринодар, Вологда, Архангельск — именно эти города называются О. Э. Озаровской в «Бабушкиных старинах».²⁶ Наše знакомство с газетами, издававшимися в 1916 г. в городах, где побывала О. Э. Озаровская с М. Д. Кривополеновой, оказалось весьма плодотворным. В результате просмотра местной периодики было обнаружено около сорока не введенных до сих пор в научный оборот и не учтенных ни в одной библиографии по русскому фольклору газетных заметок.

Первым пунктом, где выступали обе артистки, был Саратов, который встретил гостей доброжелательно и заинтересованно. Местные газеты накануне их выступления поместили на своих страницах объявления о предстоящем 2 марта концерте.²⁷ Концерт прошел с впечатляющим успехом. «По окончании, — писал корреспондент «Сара-

товского листка”, — публика устроила горячие овации обеим участницам вечера. Молодежь окружила их плотным кольцом, благодарила, курсистки целовали старушку».²⁸ Столь же восторженные отзывы мы нашли и в других местных газетах — «Почте», «Саратовской жизни» и «Саратовском вестнике».²⁹ Ценную информацию дает газета «Волга». Здесь подробно перечислен репертуар обеих артисток. О. Э. Озаровская выступала с песнями из поморского свадебного обряда и сказками, слышанными ею в Поморье в Кеми от сказочника Останина, которого она назвала русским Александром Дюма. М. Д. Кривополенова исполнила исторические песни «Иван Грозный и его сын» и «Кострюк», былины «Вавила и скоморохи» и «Добрыня и змей», а также знаменитую «Небылицу в лицах», которую подхватил весь зал.³⁰

Саратовский концерт задал тон всем последующим гастролям артисток. Столь же успешными были выступления в Харькове.³¹ Весьма неожиданный резонанс получили вечера О. Э. Озаровской и М. Д. Кривополеновой в культурной жизни Ростова-на-Дону, куда артистки прибыли в 20-х числах марта. Здесь все шло по отработанной схеме: объявления и статьи, предваряющие концерты (в Ростове состоялось три концерта),³² а затем благожелательные отзывы о выступлениях обеих артисток.³³ Однако в общем хоре восторженных похвал диссонансом прозвучал скептический голос некоего Тамбурина, бойкого и едкого фельетониста, сотрудничавшего в «Ростовской речи». Тамбурин назвал пинежскую сказительницу старушкой, «дрессированной и стилизованной госпожой Озаровской», а ее произведения — «эпическими стилизациями сказов и былин». Сама же О. Э. Озаровская была им представлена «ловкой антрепренершей», «импресарио», эксплуатирующей М. Д. Кривополенову.³⁴ К чести ростовчан, бесцеремонный выпад Тамбурина в адрес обеих артисток не остался без ответа. Они заступились за М. Д. Кривополенову и незаслуженно оскорбленную О. Э. Озаровскую. Некая госпожа С. Цейтлин в письме в редакцию ростовской газеты «Приазовский край», указав на ответственность журналиста перед публикой, отметила, что Тамбурин исказил «правду отношений» между московской артисткой и пинежской бабушкой, и подчеркнула, что «журналисты, подобные г. Тамбурину, не являются выразителями общественного мнения жителей Ростова».³⁵ Между С. Цейтлин и Тамбурином завязалась полемика.³⁶ С. Цейтлин пришлось еще раз взяться за перо. В ее втором письме в редакцию «Приазовского края» говорится: «Что же касается суждений г. Тамбурина о дресированности и стилизованности сказительницы М. Д. Кривополеновой, — мы не может придавать им серьезного значения. Всем известна высокая оценка Марии Дмитриевны как художницы такими авторитетами, как проф. П. Н. Сакулин³⁷ и М. Ф. Гнесин, восторженный отзыв которого мы прочли на страницах того же издания, в котором работает г. Тамбурин».³⁸

Последнее свидетельство — о М. Ф. Гнесине — приоткрывает перед нами еще одну сторону ростовских выступлений М. Д. Кривополеновой. Указания С. Цейтлин дают возможность атрибутировать две статьи из «Ростовской речи» — «К приезду сказительницы Кривополеновой» (27 марта) и «За жемчугом» (29 марта), подписанные инициалами «М. Г.» и «М. Ф. Г.», — М. Ф. Гнесину, видному музы-

кальному деятелю первой половины ХХ в. Его заметка «За жемчугом» и есть тот «восторженный отзыв», о котором упоминает С. Цейтлин. Эта публикация появилась в том же номере «Ростовской речи», что и фельетон Тамбурина «Воскресным вечером».

Внимательное чтение статей «К приезду сказительницы Кривополеновой» и «За жемчугом» убеждает нас в том, что они вышли из-под одного и того же пера. Интересен тот факт, что М. Ф. Гнесин предвидел возможность появления откликов на концерт М. Д. Кривополеновой, подобных заметке Тамбурина. В первой из своих статей, накануне концерта, он писал: «Мы ждем этого дня (то есть выступления “пинежской бабушки”. — Т. И.) как большой художественной радости, хотя, может быть, он окажется днем художественного испытания для нас. Мы проверим, способны ли мы, привыкшие к “культурному” пению, услышать красоту в “сказывании”».³⁹ М. Ф. Гнесин счел для себя честью «быть слушателем у народного певца»,⁴⁰ Тамбурин же оказался среди тех, кто не выдержал «художественного испытания».⁴¹

Из Ростова-на-Дону О. Э. Озаровская со сказительницей, по всей вероятности, вернулись в Москву. В гастролях наступил четырехнедельный перерыв. А во второй половине апреля «Таганрогский вестник» сообщил читателям о предстоящей лекции О. Э. Озаровской. Выступление артисток в Таганроге состоялось 27 апреля.⁴² В начале мая они прибыли в Новочеркасск.⁴³ Затем пинежская бабушка и О. Э. Озаровская опять направились в Ростов-на-Дону. 9 мая «Ростовская речь» писала о состоявшемся благотворительном концерте в пользу Общества борьбы с туберкулезом. В концерте с чтением сказок выступила О. Э. Озаровская, произведшая, по словам газеты, благоприятное впечатление на публику.⁴⁴

Последним пунктом южных гастролей М. Д. Кривополеновой и О. Э. Озаровской стал Екатеринодар,⁴⁵ откуда артистки вернулись в Москву. Затем через Вологду⁴⁶ и Архангельск⁴⁷ О. Э. Озаровская отвезла пинежскую бабушку на ее родину.⁴⁸

Осенне-зимние концерты 1915 г. и весенне-летние гастроли 1916 г. сыграли важную роль в жизни обеих артисток. Они прославили пинежскую Махоню по всей России, дали ей — правда, на короткое время, — материальную обеспеченность. Имя О. Э. Озаровской, руководительницы скромной Студии живого слова, после южных гастролей стало известно во многих городах России. Наконец, артистка через М. Д. Кривополенову соприкоснулась с фольклористическими кругами Москвы. Начался ее путь от артистической деятельности в науку фольклористику.

В 1916 г. О. Э. Озаровская выпускает в свет книгу «Бабушкины старины», где были собраны былины, исторические песни и баллады из репертуара М. Д. Кривополеновой. Это было второе — после брошюры Е. А. Ляцкого о И. Т. Рябинине⁴⁹ — издание, посвященное творчеству одного сказителя. «Бабушкины старины» довольно тепло были встречены в печати. Рецензент «Русского библиофила» отмечал, что хотя былины М. Д. Кривополеновой «не составляют новости в научной литературе» (они уже известны по записям А. Д. Григорьева) и несмотря на то, что вступительная статья О. Э. Озаровской не добавляет новых фактов к биографии былинщицы, в ее очерке «вста-

ет перед нами живой художественный образ сказительницы»,⁵⁰ и этим книга весьма привлекательна для читателя.

Объективности ради стоит сказать, что с точки зрения строгого научного взгляда «Бабушкины·старины» довольно уязвимы по многим параметрам. Нам уже приходилось писать о том, что неопытная собирательница фольклора, умеющая оценить высокие художественные достоинства песен и сказок, но не умеющая их профессионально записать, допустила ряд серьезных текстологических промахов при издании кривополеновских старин. Так, полевые рукописи О. Э. Озаровской свидетельствуют, что она не записывала целиком всего текста былины, оставляя лакуны на месте типических формул. Сравнение же рукописей собирательницы с изданием «Бабушкиных старин» и с публикацией былин М. Д. Кривополеновой в сборнике А. Д. Григорьева обнаруживает совершенно очевидную ориентацию О. Э. Озаровской при печатании текстов не на собственные полевые записи, а на собрание своего предшественника.⁵¹ Текстологический анализ не оставляет никаких сомнений в зависимости книги О. Э. Озаровской от григорьевского текста, и данный факт, к сожалению, намного снижает ценность «Бабушкиных старин» в глазах науки.

Но тем не менее обаяние личности М. Д. Кривополеновой и понимание того, что именно О. Э. Озаровской российская публика должна быть благодарна за свое знакомство с искусством пинежской Махони, наложили свой отпечаток на восприятие «Бабушкиных старин» отечественной наукой. Этот небольшой по объему чисто любительский сборник, созданный тогда, когда отечественная фольклористика уже давно стала зрелой наукой, занял в сознании ученых следующих поколений почетное место рядом с образцовыми трудами А. В. Маркова и А. Д. Григорьева.

Гастроли 1915—1916 гг. и книжка «Бабушкины старины», как мы уже говорили, превратили Озаровскую-артистку в фольклориста. Тогда же ее заслуги перед наукой были оценены Русским географическим обществом.⁵² После революции уже не артистическая, и даже не педагогическая,⁵³ а именно фольклористическая деятельность становится главной в жизни О. Э. Озаровской. В 1920 г. по ее инициативе М. Д. Кривополенова еще раз приглашена в Москву. Махоня продолжает оставаться героиней ее очерков.⁵⁴ В 1921 г. О. Э. Озаровская совершает очередную экспедицию на Пинегу и Кулой.⁵⁵ Результатом этой поездки стали 7 текстов старин (былины, исторические песни, духовные стихи) и других произведений устной поэзии, до сих пор хранящихся в фольклорном архиве Института русской литературы.⁵⁶ О. Э. Озаровская стала вторым после А. Д. Григорьева и последним собирателем, зафиксировавшим эпическую традицию на Кулой. В 1925 г. О. Э. Озаровская опять на полюбившейся ей Пинеге. Записи этой поездки частично опубликованы.⁵⁷ В 1927 г. она пишет статью «Северная свадьба»,⁵⁸ где обобщаются многолетние наблюдения собирательницы над обрядом на Северной Двине, Пинеге и Кулой. Есть сведения, что фольклористка мечтала написать монографию по севернорусской свадьбе.⁵⁹ В 1931 г. выходит в свет «Пятиречье» — итоговая книга О. Э. Озаровской.⁶⁰

Научная и педагогическая деятельность О. Э. Озаровской все время находилась в центре внимания общественности. 25 февраля

1929 г. в помещении Театра имени Вахтангова отмечался 30-летний юбилей ее работы. Скончалась фольклористка в 1933 г. во Фрунзе, где жил ее сын Василько, некогда спутник по ее севернорусским странствованиям.

-
- ¹ Подробнее см.: Канн-Новикова Е. Собирательница русских песен Евгения Линева. М., 1952.
- ² Д. И. Менделеев по воспоминаниям О. Э. Озаровской. М., 1929.
- ³ Там же. С. 154—155. См. также: Минц З. Г. У истоков блоковского театра: (Коллективная фантастическая драма «Оканея») // Проблемы типологии русской литературы. Тарту, 1985. С. 86—100 (Учен. зап. Тартус. гос. ун-та. Вып. 645).
- ⁴ Подробнее о «Кривом зеркале» см.: Кугель А. Р. Листва с дерева. Л., 1926. С. 195—209.
- ⁵ Кахрило Е. Д. Концертная хроника // Артист и сцена. Спб., 1910. № 7—8. С. 5.
- ⁶ Гастроль О. Э. Озаровской // Граммофонная жизнь. 1911. № 5. С. 5.
- ⁷ Артист и сцена. 1910. № 7—8. С. 13.
- ⁸ Озаровская О. Э. Мой репертуар: Сборник произведений для эстрады. Спб., 1911.
- ⁹ Озаровская О. Э. Школа чтеца: Хрестоматия для драматических, педагогических и ораторских курсов. М., 1914.
- ¹⁰ Н. К. «Царь Максемьян» и трагический балаган // Столичная молва. 1911. 31 окт., № 211. С. 5.
- ¹¹ Шуйский Б. Сказы и сказыватели // Художественно-педагогический журнал. 1911. № 2. С. 17—19; Бездомный Е. Вечер сказочницы (К. М. Субботиной) // Нижегор. листок. 1915. 20 нояб., № 318.
- ¹² Нестьев И. В. Звезды русской эстрады: (Панина, Вяльцева, Плевицкая). Очерки о русских эстрадных певицах начала XX века. М., 1970.
- ¹³ Мамонтов С. Капля живой воды // Рампа и жизнь. 1910. 17 янв., № 3. С. 46.
- ¹⁴ Дилетант. Концерт Н. В. Плевицкой // Курская бель. 1912. 29 дек., № 277.
- ¹⁵ С. С. М. В мире искусства // Рампа и жизнь. 1911. № 1. С. 13.
- ¹⁶ Озаровская О. Э. За жемчугом // Архангельск. 1915. 4 июня, № 146.
- ¹⁷ Подробнее см.: Чистов К. В. Севернорусские сказители в Петербурге во второй половине XIX в. // Старый Петербург: Историко-этнографические исследования. Л., 1982. С. 52—69.
- ¹⁸ См.: Чистов К. В. Ирина Андреевна Федосова: Историко-культурный очерк. Петрозаводск, 1988.
- ¹⁹ См.: Виноградов П. Т. Сказитель И. Т. Рябинин и моя с ним поездка. Томск, 1906; Иванова Т. Г. Сказитель и общество (Выступления И. Т. Рябинина и П. Т. Виноградова) // Русский фольклор. Л., 1989. Т. 25. С. 112—122.
- ²⁰ Сказительница былин // Петербургская газета. 1911. 24 сент., № 262; Шайгин Н. Олонецкая сказительница и вопленица Н. С. Богданова в Петербурге // Олонецкая неделя. 1911. № 27. С. 8—10.
- ²¹ Сказительница былин // Русское слово. М. 1915. 27 сент., № 221.
- ²² «За жемчугом» (лекция О. Э. Озаровской) // Раннее утро. М. 1915. 27 сент., № 222.
- ²³ С. Г. Вечер русской старинной сказки: Вторник Литературно-художественного кружка // Утро России. М. 1915. 7 окт., № 275.
- ²⁴ Л-ва З. Вечер былин // Тверской листок. 1915. 11 окт., № 8.
- ²⁵ Кондрушкин С. Лесная бабушка // Речь. Пг. 1915. 21 нояб., № 321; Каратыгин В. 2-й вечер О. Э. Озаровской и М. Д. Кривополеновой // Речь. 1915. 25 нояб., № 325; Вечер былин // Архангельск. 1915. 9 дек., № 274; Сказительница былин // Северное утро. Архангельск. 1915. 10 дек., № 274; Северная бабушка // Архангельск. 1915. 11 дек., № 276; Северная бабушка // Архангельск. 1915. 12 дек., № 277; На вечере северной бабушки // Северное утро. 1915. 13 дек., № 277.
- ²⁶ Озаровская О. Э. Бабушкины старины. 2-е изд. М., 1922. С. 15.
- ²⁷ Саратовский листок. 1916. 1 марта, № 48 (раздел «Театр и музыка»); Вниманию учащихся // Саратовская жизнь. 1916. 2 марта, № 1945; К вечеру артистки О. Э. Озаровской и Марии Кривополеновой // Саратовская жизнь. 1916. 2 марта, № 1945.
- ²⁸ Дубровский П. Вечер «жемчуга» // Саратовский листок. 1916. 4 марта, № 51.
- ²⁹ Русские былины и сказки (вечер артистки О. Э. Озаровской) // Почта. Саратов. 1916. 4 марта; Н. Б. Вечер артистки Озаровской («За жемчугом») // Саратовская

жизнь. 1916. 4 марта, № 1947; Полтавский С. Жемчуг народного творчества // Саратовский вестник. 1916. 4 марта, № 51; Полтавский С. Две культуры // Саратовский вестник. 1916. 6 марта, № 53.

³⁰ Спартанец. Вечер русской старины // Волга. Саратов. 1916. 4 марта, № 51.

³¹ Южный край. Харьков. 1916. 12 марта, № 13256 (раздел «Местная хроника»); Н. Б. За жемчугом // Южный край. Вечерний выпуск. 1916. 14 марта, № 13260; Ф. М. Жемчуг народного творчества (лекция О. Э. Озаровской) // Южный край. 1916. 16 марта, № 13263.

³² Вечер сказительницы // Ростовская речь. 1916. 25 марта, № 86; Ростовская-на-Дону копейка. 1916. 27 марта, № 82 (Объявление); Лекция-рассказ О. Э. Озаровской // Приазовский край. Ростов-на-Дону. 1916. 27 марта, № 82; М. Г. К приезду сказительницы Кривополеновой // Ростовская речь. 1916. 27 марта, № 87; Вечер Озаровской // Приазовский край. 1916. 30 марта, № 85.

³³ М. Ф. Г. За жемчугом // Ростовская речь. 1916. 29 марта, № 89; Sandro. За жемчугом (Лекция О. Э. Озаровской с участием крестьянки Марии Кривополеновой) // Приазовский край. 1916. 29 марта, № 84; Лекция-концерт О. Э. Озаровской и М. Д. Кривополеновой // Приазовский край. 1916. 2 апр., № 88.

³⁴ Тамбурин. Воскресным вечером // Ростовская речь. 1916. 20 марта, № 89.

³⁵ Цейтлин С. (Письмо) // Приазовский край. 1916. 8 апр., № 93 (раздел «Письма в редакцию»).

³⁶ Тамбурин. (Письмо) // Приазовский край. 1916. 9 апр., № 94 (раздел «Письма в редакцию»).

³⁷ П. Н. Сакулин (1868—1930) — известный литературовед; в марте 1916 г. выступал с чтением лекций в Ростове-на-Дону.

³⁸ Цейтлин С. (Письмо) // Приазовский край. 1916. 14 апр., № 97 (раздел «Письма в редакцию»).

³⁹ М. Г. К приезду сказительницы Кривополеновой // Ростовская речь. 1916. 27 марта, № 87.

⁴⁰ М. Ф. Г. За жемчугом // Ростовская речь. 1916. 29 марта, № 89.

⁴¹ Подробнее об этом эпизоде в истории русской фольклористики см.: Иванова Т. Г. Неизвестные статьи М. Ф. Гнесина о М. Д. Кривополеновой // Из истории русской фольклористики. Л., 1990. Вып. 3. С. 257—262.

⁴² Былинный вечер // Таганрогский вестник. 1916. 19 апр., № 101; Вечер русской народной поэзии // Таганрогский вестник. 1916. 27 апр., № 109.

⁴³ Сказительница былин // Донская жизнь. Новочеркасск. 1916. 4 мая, № 99; Вечер былин // Донские областные ведомости. Новочеркасск. 1916. 4 мая, № 100.

⁴⁴ М. Ф. Г. Вечер народной поэзии // Ростовская речь. 1916. 9 мая, № 127. — Авт.: М. Ф. Гнесин.

⁴⁵ Вечер русской старинной песни // Кубанская мысль. Екатеринодар. 1916. 8 мая, № 187; О. Э. Озаровская и М. Д. Кривополенова // Кубанский курьер. Екатеринодар. 1916. 11 мая, № 2211.

⁴⁶ Вологодский листок. 1916. 22 мая, № 1013 (раздел объявлений); Е-ов И. Мария Кривополенова // Вологодский листок. 1916. 26 мая, № 1015; Е-ов И. Бабушкины старины // Вологодский листок. 1916. 1 июня, № 1017; Озаровская и Кривополенова в Вологде // Архангельск. 1916. 5 июня, № 123.

⁴⁷ «За жемчугом» // Архангельск. 1916. 2 июня, № 120; Несостоявшийся вечер // Архангельск. 1916. 4 июня, № 122.

⁴⁸ Подробнее о гастролях 1916 г. М. Д. Кривополеновой и О. Э. Озаровской см.: Иванова Т. Г. Новые материалы к биографии М. Д. Кривополеновой: (К 65-летию со дня смерти сказительницы) // Советская этнография. 1989. № 4. С. 84—89.

⁴⁹ Ляцкий Е. А., Аренский А. С. Сказитель И. Т. Рябинин и его былины. М., 1895 (отд. оттиск).

⁵⁰ Шилов А. [Рец.] // Русский библиофилик. 1916. № 5. С. 86.

⁵¹ Подробнее см.: Иванова Т. Г. Сопоставление типических мест как прием исследования былин // Русский фольклор: Поэтика русского фольклора. Л., 1981. Т. 21. С. 139—154.

⁵² За доклад «Из поездки по северу России», прочитанный 20 ноября 1915 г. в Этнографическом отделении РГО, О. Э. Озаровской была присуждена малая серебряная медаль. См.: Отчет императорского Русского географического общества за 1915 год. Пг., 1916. С. 41.

⁵³ В послереволюционный период О. Э. Озаровская работала в московском Институте слова. Тогда же она издала еще две книги для начинающих эстрадных чтецов. См.: Озаровская О. Э.: 1) Мой студии: Этюды по художественному чтению. М.; ГГ., 1923; 2) Школа чтеца: Крестоматия для художников слова и педагогов. 2-е изд. М., 1923.

⁵⁴ Озаровская О. Перед портретом (памяти М. Д. Кривополеновой) // Красная нива. 1926. № 29. С. 14—15.

⁵⁵ См.: Озаровская О. Э.: 1) «Еруслан Лазаревич» и река Кулой Архангельской губернии // Изв. О-ва археологии, истории и этнографии при Казан. гос. ун-те. 1929. Т. 34, вып. 3—4. С. 161—172; 2) Северная экспедиция 1921 г. в Архангельской губ. // Slavia. Roc. 7. 1928. № 2. С. 405—413; См. также: Е. А. Собирание народных творчеств // Известия Архгубисполкома. 1921. 4 окт., № 479.

⁵⁶ См.: Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Р. V. К. 12. П. 1.

⁵⁷ Озаровская О. Э.: 1) Песня о городе Казани // Изв. О-ва археологии, истории и этнографии при Казан. гос. ун-те. 1927. Т. 33, вып. 4. С. 98—99; 2) Самоходка // Красная нива. 1926. № 20. С. 18—19; См. также: С. И. Фольклорная экспедиция на Пинегу // Бюллетень Северо-Восточного областного бюро краеведения. 1925. Вып. 1. С. 14—16.

⁵⁸ Озаровская О. Э. Северная свадьба // Художественный фольклор. 1927. Т. 2—3. С. 96—102.

⁵⁹ Хомчук Н. И. Экспедиции Озаровской // Прометей: Ист.-биогр. альманах сер. «Жизнь замечательных людей». М., 1983. Т. 13. С. 195.

⁶⁰ Озаровская О. Э. Пятиречье. Л., 1931.